

Мишенов Владимир Федорович 28/11-82

28 ИЮЛ 1982

Литературная газета
г. Москва

БИБЛИОТЕКА
8-я СТРАНИЦА

2207

НЕСКОЛЬКО ГЕРОЕВ В СВЕТЕ РАМПЫ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Советская Россия» в серии «Писатели о творчестве» вышла книга Вл. Мишенова «Свет рампы». Написана она в своеобразном жанре: здесь и элементы эссе, и критический разбор, и театроведческие наблюдения. И что особенно ценно — личные воспоминания автора.

Многих известных драматургов, тех, что в 20-е и 30-е годы закладывали основы советской драматургии, автор хорошо знал, дружил с ними. Пристрастие сказывается, однако, лишь в одном — в доброжелатель-

ности взгляда, в стремлении прежде всего запечатлеть, передать замечательные качества художников, столь дорогих нашей литературе. И это естественно.

«Человек, обыкновенный в жизни и необыкновенный в искусстве, — об этом я хотел рассказать в своей книге», — говорит Вл. Мишенов.

Один из таких необыкновенных в искусстве людей — Борис Ромашов, автор первых советских комедий «Воздушный пирог» и «Конец Криворыльска», в чью творческую лабораторию вводит нас критик.

Работал Ромашов медленно,

тщательно отделявая каждую реплику. И раздражался, когда его торопили. Но когда находился человек, освобождавший его от «бухгалтерских сроков», драматург буквально преображался. «Веселый, громкоголосый, он улыбался, ходил по комнате и говорил, говорил, говорил. Настоящий каскад остроумия, фантазии, интересных характеристик и различных представлений в лицах».

В своей книге Вл. Мишенов воссоздает образ и другого замечательного писателя — Бориса Лавренева.

Автор «Разлома» не только

был выдающимся писателем-маринистом, он и в жизни любил носить флотскую форму. «Даже когда он занимался отнюдь не флотскими делами, — по манере держаться, по выправке, по пристальному «капитанскому» взгляду, по изумительной аккуратности и неброскому щегольству в одежде, по пунктуальности, определенности решений, — в нем сразу же угадывался морской офицер, военный человек». Мы, читатели, запомним, как в большом или малом деле неизменно проявлялась присущая Лавреневу цельность натуры, его альтруизм, постоянное желание помочь собратям по перу и в то же время тре-

бовательность к людям, прежде всего к себе.

В рассказе о Николае Погодине красной нитью проходит мысль о том, что его яркая, примечательная человеческая индивидуальность была и предпосылкой, и следствием таланта. Рисуя погодинский портрет, автор подчеркивает огромное, нечеловеческое напряжение всех духовных сил, полную самоотдачу драматурга. «Конец. Больше пьес не пишу... — жаловался он иногда. — Одна трепка нервов». А сам в это время уже работал над очередной пьесой.

Содержательные страницы посвящены личности и драма-

тургии Александра Корнейчука. А завершает книгу очерк об Анатолии Софронове. «Как бы весело ни писал Софронов, — замечает критик, — как бы ни отдавался целиком водевильной стихии своих произведений, каким бы незамысловатым ни представлялся на первый взгляд сюжет той или иной комедии, в основе всегда будет лежать серьезная проблема».

Владимир Мишенов, написав книгу о драматургах, обращенную к широкой аудитории. Живой, неравнодушный рассказ о сценической судьбе пьес и их авторов.

Александр ТВЕРСКОЙ